

ОН КОНЧАЛ ту же школу, что и я, — двадцать девятую. Она с самого основания славилась отчаянными ребятами. Потому ли, что располагалась в непосредственной близости к вокзалу и сама обстановка заставляла быть шустрými и быстрореагирующими, не терпела полоротых и несообразительных, а может, преподавательский состав подбирался особый и устойчивый, умел не только хорошо излагать материал, но и активно влиять на ребят.

Хотя, безусловно, «вокальные» дети не меньше влияли на своих воспитателей. Скорей всего, процесс был обоюдный. Но, по странности, школа отличалась (во всяком случае в мои времена) отсутствием текучести кадров. Нельзя не вспомнить добрым словом ее бессменного директора Быкова Николая Степановича, который за двадцать три года неустанного и неусыпного директорства получил заслуженный орден.

Впоследствии школа поменяла свое местожительство, однако заложенные и упроченные традиции не претерпели заметных изменений: она по-прежнему представляла обществу неординарных личностей. Кстати сказать, не могу назвать другого первоначального учебного заведения, которое бы воспитало приблизительно в одно и то же время сразу трех писателей. Причем разных жанров — прозаика, критика и стихотворца. А наша школа — дала!

А уж о солдатах что и говорить. Отменные ребята входили из ее стен.

В Олеге Михееве рано проснулись черты защитника Отечества. Рано приобрел он и черты самостоятельности, научился принимать нужные решения без посторонней помощи и подсаказки. Сам он решил после восьмого класса поступить в Ленинградское суворовское училище, этим определив собственную судьбу навсегда, и ни разу не пожалел о своем выборе. Танкистом решил стать — тоже сам.

Разумеется, долгое пребывание в бывшей столице российской империи, архитектурно пышной, насыщенной музеями, картинными галереями, театрами и концертными залами, не прошло даром для впечатлительного мальчика. Он еще острее и осознаннее почувствовал и полюбил свою Родину, ее богатую и трудную историю. А еще он научился дружить. Дружить верно и взыскательно, всецело доверяя этому чувству и требуя от него не только горячих слов и признаний, но и решительных неукоснительных поступков.

Когда в Афганистане сложил голову его ближайший и незаменимый друг Володя Киселев, Олег поклялся отомстить за него. И действительно мстил, как полагается в фронтовых условиях, не жалея себя, не ища поблажек и офицерских привилегий. Он выработал кодекс личного поведения на войне, лез в пекло первым, не подставляя благоразумно головы своих подчиненных.

Не раз вразумлял старшего лейтенанта Михеева земляк и товарищ по службе, в то время майор — Васильев Александр Николаевич, советник в Афганистане. Они познакомились в октябре 1986 г. на вилле Виталия Максимовича Потапова, тоже советника и тоже земляка. Вечерами собирались вместе, чтоб поговорить, спеть песню под гитару, на которой Олег охотно играл, — снять напряжение было необходимо, душой отмякнуть хотя бы на время — тоже требовалось.

Ведь на горячих точках о развлечении не думают, хотя на них живут люди преимущественно молодые. Одно кино! Ну, может быть, видеомагнитофон. А телевидение Кабула гнало только индийские фильмы, так не вяжущиеся при их пышности и сентиментальности с фронтовыми буднями наших ребят. Ведь опасность подстерегала везде. Отойдут солдатики в виноградник или захотят полакомиться ягодами тутовника, — а потом их находят с перерезанным горлом... Жертв было много. И официальная цифра погибших в той войне, исчисляемая пятнадцатью тысячами, — по мнению прошедших через «афганское пекло», сильно занижена. Стрельба длилась девять лет. По утверждению А. Н. Васильева, в дневное время трех минут не выдалось таких, чтоб без единого выстрела. Где-нибудь да палят! А уж если

душманы начинают обстрел наших позиций, — тут идет самая настоящая канонада. И кто в этой канонаде уцелеет — бог весть...

Не случайно выбравшиеся из «афганского дела» болялись звонить родным сослуживцев, тем более, к ним заявляться: а что если тот, с кем рядом служил, уже не жив... Пока доберешься до дому, всякое может случиться.

Так и произошло с одним из однополчан Олега Михеева. Благополучно отгуляв отпуск, он, наконец, собрался позвонить родителям Олега. Трубку взял отец, Влади-

А в Ташкенте сейчас «афганцев» отправляют в первую очередь. Такое указание им дали, чтобы сильно не бузили. Вы только представьте, какими мы обалдевшими прилетаем в Союз. Одь то, что женщины без чадры ходят, — чего стоит. Главное, границу пересечь. А там уж как-нибудь люди помогут. Теперь много знакомых в Ташкенте».

«Представляю, как первые дни трудно будет сидеть за рулем. Тут ведь как: с дороги съезжать — ни в коем случае нельзя — подлетишь на mine. От каждого выстрела из выхлопной тру-

стреляли. Прилетело около 35 снарядов. Это не страшно. Они ведь воюют-то только после того, как накурятся наркотиков. А какая может быть меткость после этого...».

«...Духи позавчера (18 января) попробовали на прочность мой танк. Идиоты. Отделались небольшой дыркой. (Да и то не сквозной). Правда, все осветительные приборы буквально снесло. Самим — ничего. Голова только вчера болела. Немного контузило. Теперь буду бить по необходимости, а не по разрешению...».

И наконец, прорывается:

ОДИН ИЗ НИХ...

Виктор Коротаяев

мир Иванович. Молодой офицер принялся уверенно говорить, что сын их здоров и жизнедеятелен, передавал приветы... Отец, перемогая слезы, вынужден был остановить незадачливого почтальона, сообщив, что Олега среди живых больше не значится.

Цинковые гробы, которые нельзя открывать... А так хочется на прощание еще раз взглядеться в дорожные черты. Но столько было непоправимых трагедий, свихнувшихся матерей, свалившихся с инфарктами отцов, что начальство решило больше родственникам не показывать останки погибших. Да и что можно показать, если человек убит из гранатомета прямым попаданием в голову? Лучше пусть останется таким, каким запомнился в последнюю встречу. Лучше пусть живет в письмах, которые бережно хранятся в семейном архиве. В них он весь, заботливый и беспокойный, смелый и непримиримый, верный и бесстрашный. И начинаются они почти всегда с нежных слов: «милые мама и папа»...

«...В отпуск поеду в гражданке. Не хочу париться. Сейчас стало легче летать. Два раза в неделю от нас летает АН-12 — отпускник.

бы шарахаться буду...».

«...Вчера я выписался из госпиталя. Дали 10 дней отпуска при части. Теперь уже стало все нормально. Только голова под вечер трещит. Говорят, было сильное сотрясение мозга. А я ничего не чувствовал, когда меня привезли. Был без сознания. Рана заросла полностью. Хожу сейчас лысым. Маскировочный костюм пришлось выбросить. Весь рваный и в крови. Но вы сильно не расстраивайтесь. Медицина здесь очень сильная. Последствий не будет...» (так он успокаивал родителей. А врать все равно не мог).

«...Вы писали про полновника Ершова. О его смерти я знаю. И даже видел последствия! Он ведь служил в Кандагаре. Их погибло сразу четверо — подорвались на фугасе, когда ехали на БТРе...» (Это о товарищах. Сам он служил также в Кандагаре).

«...Пишу лежа в постели. Пока вставать разрешают только до туалета. Все волнения уже позади. Лежу в госпитале. В первом же выходе получил ранение легкое. Плохо, что в голову. Но переломов нет, и мозг цел. Дней через 10 уже должен выйти. Сильно не переживайте. Зарастает все как на собаке...».

«...Духи притихли немного. Правда, позавчера об-

Афганистан добровольцем. Ему было всего 23 года. Он недавно женился, не успел даже обзавестись ребенком. Но когда был брошен клич об интернациональном долге и братской помощи дружественной и соседней стране, для него альтернативы не возникало. Он — солдат, и его место там, где труднее всего. Откуда было знать этим молодым и верным воинской присяге ребятам, что творится за их спиной, о чем думают Брежнев, Андропов, Устинов и Громыко. Их дело исполнять приказ. Это извечная обязанность любой армии. Совесть солдата всегда чиста, и никто не вправе бросить в него камень. Пусть переворачиваются в гробах те, кто волонтеристски решил вводить войска в Афганистан, наплевав на мнение и судьбу народа. Они же посылали не своих сыновей...

А дело таких, как Олег Михеев, исправно и грамотно воевать. Он уже полтора года своей молодости и непов-

не случайно столь подробно описываю одну судьбу. Уверен, что в ней — вольно или невольно — отражаются и другие, менее известные и высеченные, от которых подчас не осталось ни писем, ни фотографий. Так пусть же в судьбе Олега читатели увидят в совокупности черты и других «афганцев». Дело не в славе, а в общей печали и боли.

Последнее письмо к родителям Олег Михеев написал 22.12.87 г.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Сергей и Ирина! Пишу одно письмо всем, т. к. нет времени. Позавчера пришли с боевых. Водили мирную колонну афганцам за 200 километров в г. Таринкот. Но мирного не получилось... Пришлось поволноваться в Дегканарском ущелье. Но все кончилось более-менее благополучно. Сейчас дали три дня на обслуживание, и опять уходим на неизвестный срок. И все это перед Новым годом. Что-то «духи» начинают наглеть. Значит, подходит время переговоров. Это, видимо, будет у меня последний рейс. Хватит уже. Пора готовиться к замене. А замена так и остается: мой Дальний Восток. Никуда я не пойду и ничего просить не буду. Раз надо — значит надо.

Дела идут нормально. Кажется, после этого рейда представят ко второму ордену.

Погода у нас становится холодная, хотя и вовсю светит солнце. В танке по ночам уже прохладно. Хочется вас попросить достать какую-нибудь путевку дней на 12 на середину июня в Прибалтику.

До замены осталось четыре месяца. Как их прожить? Хорошо хоть езжу очень много. Время летит невероятно быстро. Ну, вот и все. До свидания. Целую — Олег».

Свиданий больше не было. Родителям остались на память от этого страшного времени лишь письма, фотографии сына и два ордена Красной Звезды.

Много и подробно мы говорили с отцом Олега — Владимиром Ивановичем. Встреч с матерью Людмилой Михайловной я не искал, это выше моих сил...

«...Воюю, честно говоря, много...».

И опять усыпляет родительскую бдительность: «...Распорядок дня у меня очень интересный. Спать ложусь в 5 часов утра и отдыхаю до 12. А так почти всю ночь втроем ходим и проверяем точки. Ребята отличные. Уже битые-перебитые. Многому учат. По ночам страшно воют шакалы. Отгоняем их только очередами из автомата...».

Олег Михеев пришел в

торимой жизни отдал этому проклятому делу, а вполне мог бы отсидеться. Вот-вот должен прийти замена. Он успел совершить столько боевых подвигов, что совесть его не должна бы болеть. Одно то, что под огнем вытаскивал БТР с товарищами, которые без него неминуемо бы погибли, давало право поберечь себя. Но он был испечен из другого теста.

Все они, в принципе, из другого теста. Даже те, о которых почти не пишут. И я